

МОДЕЛЬ „ИНОГО МИРА” В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ „КАЗУС КУКОЦКОГО”: ТРАДИЦИОННОЕ И ОРИГИНАЛЬНОЕ

Реконструйовано семантику локусу „іншого світу” в романі сучасної російської письменниці Л. Улицкої, який виступає, з одного боку, як модус біблійного бачення форм „іншого буття”, а з іншого – сконструйований як оригінальна модель авторської уяви про цей типовий локус верху/низу, що існує ще з міфологічних часів. Заторується проблема поетики містицизму в сучасних текстах.

Ключові слова: містичний, „інший світ”, модель, автор, дієгезис, Л. Улицька.

Мистическое в литературе не всегда является мистическим на самом деле. Если следовать энциклопедическому определению мистицизма, то это должно быть учение, или хотя бы умонастроение, или религиозно-философская мировоззренческая концепция [4; 5]. За исключением специфических текстов, когда писатель действительно создаёт мистическое по убеждению (например, „Песнь торжествующей любви”, „Клара Милич” И. Тургенева, „Роза мира” Д. Андреева), писатели чаще всего используют мистику в качестве:

- 1) поэтического приёма;
- 2) воплощения своих идеальных представлений о жизни и человеке;
- 3) мистификации или псевдомистики.

В таких случаях есть смысл рассматривать мистическое в литературных текстах как одну из составных поэтики произведения или же, путём деконструкции текста, определить роль мистического локуса в текстах, диєгезис которых включает мистическое в качестве экстра- или интрадиєгетического уровня.

В современной литературе мистическое не является редкостью, как, впрочем, было всегда. Ибо мистическое (читай – тайное) всегда привлекало человека. Это часть его психической доминанты, это тот архетипный образ, который сопровождает его на протяжении всей эволюции. Мистическое может облекаться в языческие, религиозные, оккультные одежды, но при этом сохранять свою идентичность: иррациональность, интуитивизм, парадоксальность. Логика, понятия, причинно-следственные связи заменяются символами, непредсказуемостью. Легко понять, почему в литературе мистика прижилась давно и, несмотря на появление в XIX веке нового направления – научной фантастики, остаётся продуктивной и, как

показывает анализ среза современной мистической литературы, довольно востребованной [1; 2]. Если научная фантастика имеет хоть какие-то ограничения (там должна присутствовать хотя бы видимость научности), мистика предполагает неограниченный полёт фантазии. К мистике прибегают писатели, от которых этого даже не ожидаешь, как будет в случае с исследуемой в данной статье Л. Улицкой. Привлекательность мистической литературы заключается в том, что, как полагает в обзорной статье Татьяна Суворова, „она ставит вопрос не о пределах возможного вообще, и не о том, с чем столкнутся наши потомки..., а о том, что может произойти с нами... Даёт бесконечность – для каждого ныне живущего человека” [2].

Подобные размышления посещают после прочтения романа современной русской писательницы Людмилы Улицкой „Казус Кукоцкого”. Л. Улицкая – автор, которого чаще всего относят к „традиционалистам”, отмеченный серьезными литературными наградами, пользующийся популярностью у читателя. Она умеет порадовать своих почитателей неожиданными сюжетными перипетиями, нарушая логику читательских ожиданий, изображением сложных человеческих характеров и судеб. Творчество Улицкой расширяет границы известного о человеке. Она не боится, следуя традиции русской классической литературы, открывать тайники человеческой души, несмотря на то, что иногда при этом высвобождаются очень непривлекательные человеческие свойства.

Роман „Казус Кукоцкого” как раз из таких: это повествование о человеческих судьбах, которые вершатся на фоне глобальных исторических событий мирового масштаба, отчасти зависящих от этих событий, отчасти обусловленных логикой поведения и характером самого человека. В общем, можно сказать, что это роман о победе отчуждения над любовью, о том, как семья в процессе развития не крепнет, а, наоборот, разрушается изнутри невидимыми врагами – эгоизмом, непониманием, нежеланием или боязнью идти навстречу друг другу. Это роман о том, как люди не умеют или не хотят договориться друг с другом. И при этом продолжают искренне любить.

Однако в структуре этого диегезиса о деградации взаимопонимания в семье на экстрадиегетическом уровне располагается повествование об „ином мире”, в котором герои, пройдя определённый путь, откроются друг другу в полной душевной красоте, взаимопонимании, преодолев все преграды, возникающие между людьми в „этом мире”. Пожалуй, стоит сразу определиться, почему именно понадобилось автору выводить этот рассказ на другой уровень. В силу складывающихся в семье необратимых (не объективно, а по воле героев) разрушительных процессов, герои не смогут достигнуть взаимопонимания и спасти свою семью, любовь и даже жизнь. Но всё могло быть иначе. Можно

ли было избежать разрушения? Можно, но не в „этом мире”. Чтобы герои прошли этот процесс самосовершенствования, нужны другие, не земные, а ещё не понятные людям законы бытия. Поэтому в тексте возникает потребность другого уровня повествования, не связанного сюжетно с основным диегезисом, и образующего свой локус „иного мира”, сосуществующего с „этим” в раме романа на интенциональной основе.

„Иному миру” в романе посвящена вторая часть. Собственно, такое название в тексте не употребляется. И вообще, начиная читать эту часть, читатель поначалу недоумевает: о чём речь, что произошло с героями, и они ли это вообще. Ибо имена другие, и только по некоторым уже известным сюжетным деталям становится понятно, что герои те же, только помещены в другое пространство.

Автор, на мой взгляд, намеренно не конкретизирует, что же за модель „иного мира” он избирает. Это раздвигает горизонты фантазии и даёт возможность не следовать определённому канону, придерживаясь известной формы, но расширять границы условной модели „иного мира”. Впрочем, любой человек имеет на это право, ведь свидетельств, как именно выглядит „тот мир”, нет. По какому же принципу Л. Улицкая конструирует свою модель „иного мира”? Можно сказать, что это двухфазное состояние, первое из которых – это путь, а второе – это пребывание в таком идеальном мире, устройство которого, по ощущениям Кукоцкого, „вызывает полное доверие”, но требует „отказа от прежних навыков мышления” [3, с. 259].

Первую фазу проходят много персонажей, но для нас важны прежде всего Елена Кукоцкая, Павел Кукоцкий, Илья Гольдберг, которые выведены под другими именами, семантически близкими их внутреннему „я”. Герои проходят путь буквально. Это движение по однообразным песчаным холмам, как заметит Кукоцкий-Бритоголовый, „неизвестно куда, неизвестно зачем” [3, с. 224]. Никто, включая Кукоцкого, не знает, где они находятся. На вопрос дотошного Профессора, преподавателя марксизма, что это за место, Кукоцкий-Бритоголовый, которому передали функцию ведущего группы после ухода Ильи-Иудея, сказал: „Да я и сам толком не знаю...” [3, с. 241]. Почти все принимают необходимость пути без особого сопротивления, хотя и без особого желания. Не все участники этого странного похода осознают, что они умерли. Да и читатель убеждается в этом уже ближе к концу главы, когда на прямой вопрос Профессора, умер ли он, Бритоголовый отвечает утвердительно.

Эта фаза пребывания в „ином мире” сконструирована автором, скорее всего, по принципу библейского чистилища. Герои от чего-то здесь освобождаются, что-то приобретают, но главное – они должны терпеливо идти, а над ними „будут работать”. Важно будет, помогают ли они друг другу, выполняют ли ту функцию, которую могут выполнить, особенно если речь идёт о чувстве ответственности.

Этот мир имеет все признаки „инобытия”. Как и полагается мистическому, тайному миру, здесь есть свои системы координат. 1) временные: „время отбивалось здесь ... не чередованием дней и ночей, не круговоротом времён года, а исключительно привалами возле костра да последовательностью событий, которые казались поначалу одно странней другого” [3, с. 195]; 2) пространственные: „Здесь расстояния были произвольны и неопределённые, измерялись лишь чувством усталости и происходящими событиями” [3, с. 191]; 3) коммуникативные: „никто не требовал от неё (Елены. – С.К.) выражать своё отношение к происходящему” [3, с. 196]. „Надо спросить. Обязательно спрошу, – подумала Елена. Не успела обдумать до конца..., как Иудей подошёл к ней и сказал на ухо: Потом объясню” [3, с. 214].

Елена, оказавшаяся в этом мире, понимает, что он „иной”, по состоянию своего тела: „Все физические неудобства её существования, связанные с опухшими проржавелыми суставами, осевшим и искривившимся позвоночником, отсутствием зубов, слабостью слуха и зрения, вялостью кишечника, – всё это совершенно исчезло, и она наслаждалась лёгкостью собственного шага, огромности обзора, дивной согласованности тела и мира, раскинувшегося вокруг неё” [3, с. 193].

Однако созданный Л. Улицкой мир – это авторская модель типичного локуса верха/низа, которая существует и в мифологической традиции, и в библейской, и в буддистской, и в других религиях мира. По прихоти автора, „иной мир” меняется, обретая новые качества, всё больше напоминающие „этот”. Так, по мере движения, которое, как казалось героине, происходит по кругу, среди однообразных песчаных холмов, герои отклоняются от этого неведомого, но всё же маршрута. Попадают то в сад, то в какое-то строение, напоминающее сарай, но в котором героиня смогла совсем по-земному сходить в помещение с двумя нулями и выспаться на кровати, хотя до этого о сне не было речи. Меняется и местность, даже появились стороны горизонта: „они поняли, что движутся на восток – в том прежнем месте... никаких сторон света не ощущалось” [3, с. 218].

Обращает на себя внимание тот факт, что Улицкая сама предупреждает читателя, что не будет следовать сложившемуся представлению о „том” свете. Её героиня признаёт, что „всё происходящее не соответствовало её забытым теперь ожиданиям, шло вразрез с лубочными представлениями церковных старух и со сложными построениями разнообразных мистиков и визионеров...” [3, с. 193]. Прежде всего, читатель сразу обращает внимание на телесность, предметность, сохранившуюся в том мире. У героев не только сохраняются тела, будут переданы оттенки их выражения лица, внешняя красота или уродство. Они перейдут „туда” со своими привычками, найдут там потерянные ещё в молодости вещи, их будут сопровождать кошка, собака. Одежда,

обувь, попавший в туфли песок – всё это зримое, настоящее, служащее человеку на земле.

Однако автор показывает, что в том мире гораздо слабее причинно-следственные связи. И хотя земные наработки человека важны, как здесь его оценивают, он до конца не постигнет.

Вторая фаза, предназначенная для прошедших путь, соединяется с первой мостом в буквальном смысле. В какой-то момент ведущий всю группу Бритоголовый-Кукоцкий объявляет, что дальше предстоит перебраться на „тот берег” по мосту. Мост – та же переправа, только пройти её, удержаться, не свалиться в пропасть, найти нужную дощечку должен каждый сам. Роль Харона будет выполнять Бритоголовый, старавшийся помочь тем, кто проявлял желание идти вперёд, искал свою возможность преодолеть шаткую конструкцию моста. Зато перешедших ожидает награда: встреча с близкими, узнавание, возвращение земной памяти и вечная любовь. Вот теперь всё действительно как на земле – цветы, солнце, птицы. Вернулось время, привычное пространство. Только всё это гораздо щедрее, мудрее, красивее и без изъянов. Иными словами, это тот идеальный мир, которого герои, как и каждый человек, жаждут, но в жизни найти не могут. Чтобы создать этот мир, писательница использует все известные модели „иного мира”: и библейскую, и буддистскую, беря там идею реинкарнации. В романе упоминается даже учение Лейбница о монадах. Читатель в меру своей осведомлённости может найти в этой мистической главе романа отзвуки нынешних всевозможных учений и школ, предлагающих своё видение „иного мира” и его корреляцию с „этим миром”.

Но вопрос состоит не в том, насколько „точно” смогла Л. Улицкая воспроизвести определённую модель инобытия. Нам интересно другое: какова цель создания этого модуса потустороннего мира в романе, имеющем все основания считаться реалистическим? Очевидно, для воплощения своих идеальных представлений о жизни и человеке. Для этого понадобилась поэтика мистицизма, дающая простор фантазии, снимающая с литературного текста ограничения правдоподобия. При этом пришлось адаптировать мистику ко вкусам, знаниям и опыту современного читателя. Да автор и не стремится усиливать мистический фон в романе и даже в этой части. Но в чём действительно прослеживается связь созданной в воображении Л. Улицкой модели „иного мира” с мистицизмом, так это в исходном постулате, что подлинная сущность человека и мира может быть постигнута не через разум и аналитику, а признавая иррациональное, интуитивное в нём.

1. Рыбальченко Т. Мистификация и демистификация текста в романе В. Отрошенко *Персона вне достоверности* / Татьяна Рыбальченко // *Acta Polono-Ruthenica*. XIV. – Olstyn, 2009. – С. 221-244.

2. Суворова Т. Жанр мистики. Литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sunhome.ru/navigator/v.zhanr_mistika/1.
3. Улицкая Л. Казус Кукоцкого : [роман] / Людмила Улицкая. – М. : Эксмо, 2004. – 448 с.
4. Філософський енциклопедичний словник / [гол. редколег.: В.І. Шинкарук] – К. : Абрис, 2002. – 742 с.
5. Философский энциклопедический словарь / [гл. ред. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.

Аннотация

Реконструирована семантика локуса „иного мира” в романе современной русской писательницы Л. Улицкой „Казус Кукоцкого”, который является, с одной стороны, модусом библейского видения форм „иного бытия”, а с другой – сконструирован как оригинальная авторская модель этого типичного локуса верха/низа, который существует ещё со времён мифологии. Затрагивается проблема поэтики мистицизма в современных текстах.

Ключевые слова: мистический, „иной мир”, модель, автор, диегезис, Л. Улицкая.

Summary

The article deals with the semantics reconstruction of „the other world” locus in the novel by the famous Russian writer L. Ulitskaya which acts on the one hand as a modus of the biblical interpretation of the „other being” form and on the other hand is reconstructed as an original model of the author’s imagination of this typical locus up/bottom that has existed since the mythological times. The article highlights the problem of the mysticism poetics in contemporary texts.

Key words: mystical, „the other world”, the model, the author, diegesis, L. Ulitskaya.

Стаття надійшла до редколегії 7.10.2010 р.